

Глава первая. КОЧЕВНИКИ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Ранний железный век. Формирование кочевого скотоводства. Начало I тысячелетия до н. э. (IX—VII вв.) — очень важный период для истории степей Восточной Европы. Именно в это время на рассматриваемой территории начинается распространение и активное использование изделий из железа. К концу указанного периода железо постепенно вытеснило из основных сфер человеческой деятельности бронзу — господствующий металл двух предыдущих тысячелетий. Начался ранний железный век, длившийся с VIII в. до н. э. по в IV в. н. э. включительно.

В начале раннего железного века происходило формирование и распространение кочевничества как специфического хозяйственного уклада и связанного с ним образа жизни. Специфику кочевничества определяют следующие характеристики: 1) скотоводство как преобладающий род хозяйственной деятельности; 2) экстенсивный характер хозяйства, связанный с круглогодичным вноскольным содержанием скота на подножном корму; 3) периодическая сезонная подвижность в пределах определенной пастбищной территории; 4) участие в перекочевках большей части населения; 5) преобладание натуральных форм хозяйства (Хазанов - А. М., 1975, с. 6)

Сложной проблемой является определение *причин* повсеместного перехода евразийских племен в начале эпохи железа к новому хозяйственному укладу. Предлагавшиеся исследователями модели этого процесса акцентировали внимание на различных причинных факторах, обусловивших масштабные экономические, социальные и этнические трансформации. Среди причин могли быть: изменение климатических условий в сторону большей засушливости или, наоборот, влажности; антропогенное воздействие на природную среду, в результате которого стало невозможным оседлое хозяйствование; развитие производительных сил (развитие скотоводства, обусловившее постоянный рост поголовья стад); развитие имущественной и социальной дифференциации с накоплением скота в качестве богатства; обмен с древними государствами, стимулировавший увеличение поголовья стад; изобретение железа, приведшее к употреблению строгих металлических удили и введению многих военных новшеств, в результате которых кочевники получили преимущество перед оседлым населением и, тем самым, в жизнеобеспечении своих коллективов. Многие версии, особенно те, которые отдавали предпочтение какому-либо одному причинному фактору, имеют уязвимые стороны (Клейн Л. С., 1980). Переход к кочевому скотоводству был, скорее всего, обусловлен целым комплексом разноплановых факторов, включая перечисленные выше и взаимосвязь этих факторов требует дальнейших исследований.

1. Предсавроматский период

Киммерийцы и киммерийская эпоха. Первые века I тысячелетия до н. э. для степей Восточной Европы традиционно рассматриваются как киммерийская эпоха. Название эпохи возникло в результате попыток совместить при ее исследовании свидетельства письменных источников и данные археологии. Дело в том, что ассирийские клинописные тексты неоднократно упоминают *варваров-гимирри*. В сочинениях древнегреческих авторов гимирри фигурируют как киммерийцы. Военные отряды киммерийцев в конце VIII — второй половине VII в. до н. э. активно действовали в Закавказье и Малой Азии, создавая серьезную угрозу ряду государств этого региона. Так, например, в донесениях ассирийских шпионов из ванского царства (722—715 гг. до н. э.) сообщалось о разгроме киммерийцами ванского царя Русы I. В 679—678 гг. до н. э. киммерийцы вторглись в Ассирию, но потерпели поражение. Около 676—674 гг. до н. э. они в союзе с Ванским царством и еще каким-то народом разгромили малоазиатское государство Фригию. Чуть позже они вторглись в Лидию и захватили столицу этого государства г. Сарды (Артамонов М. И., 1974, с. 27—28). Киммерийцы перестали упоминаться в ближневосточных текстах после того, как были разгромлены лидийским царем Алиаттом (Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1986, с. 19). В качестве почти мифологического народа киммерийцы упоминаются Гомером в “Одиссее”: “Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглою и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами — ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными” (Латышев В. В., 1992, с. 29—30). Древнегреческие авторы и, прежде всего, Геродот указывают на Северное Причерноморье как первоначальную территорию обитания киммерийцев. Оттуда в Малую Азию они были вытеснены скифами. Таким образом, согласно письменным источникам киммерийцы в северопричерноморских степях являлись непосредственными предшественниками скифских племен (Латышев В. В., 1992, с. 76—77).

Памятники киммерийской эпохи в Северном Причерноморье, между-речье Волги и Дона, Заволжье. Эти свидетельства легли в основу этнической атрибуции памятников Северного Причерноморья, датируемых первыми веками I тысячелетия до н. э. Памятники рассматриваемого времени объединены исследователями в две группы: *черногоровскую* (или *камышевахско-черногоровскую*) и *новочеркасскую*. Разброс мнений по поводу более точной датировки этих двух групп, территориального распространения и этнической принадлежности племен, их оставивших, взаимосвязи друг с другом весьма велик. Так, согласно получившей широкое признание концепции А. И. Тереножкина, черногоровские и новочеркасские памятники отражают факт существования киммерийской культуры с IX до середины VII в. до н. э. (Тереножкин А. И., 1976). По другой версии черногоровская группа, дата которой — середина VIII в. до н. э. — начало VII в. до

н. э., может быть связана с историческими киммерийцами. Новочеркасские же памятники были оставлены скифами в период с конца VIII в. до н. э. — по начало последней четверти VII в. до н. э. (Лесков А. М., 1984, с. 147—152). Существует гипотеза о синхронном существовании черноголовского и новочеркасского культурных комплексов в пределах VII в. до н. э., и принадлежности первого из них скифам, а второго — киммерийцам (Членова Н. А., 1984, с. 41). Наконец, сравнительно недавно вышла работа, в которой подвергается сомнению киммерийская принадлежность как черноголовских, так и новочеркасских памятников, и, следовательно, сама возможность использовать сам факт их существования для подтверждения длительного обитания киммерийцев в Северном Причерноморье (Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р., 1993, с. 51—91).

У античных авторов нет сведений о том, что киммерийцы обитали к востоку от Дона. Однако памятники киммерийского времени в междуречье Волги и Дона, а также Заволжье, практически ничем не отличаются от одновременных им северопричерноморских комплексов. Они представляют собой немногочисленные относительно бедные погребения и случайные находки. Следы оседлости в Поволжье отсутствуют, а относительная редкость памятников может являться следствием перехода к кочевому образу жизни и новому способу ведения хозяйства. Имеющиеся материалы указывают на связи населения Поволжья и Подонья с населением северопричерноморских степей и Северного Кавказа (Дворниченко В. В., Коренько В. А., 1989, с. 148, 152).

Памятники предсарматского времени в Самарском Заволжье. Некоторые погребения и случайные находки на территории Самарского Заволжья можно включить в группу именно этих памятников.

VIII—VII вв. до н. э. датировано (Смирнов К. Ф., 1961, с. 71; 1964, с. 29) погребение, раскопанное у с. Ягодное в Ставропольском районе (Мерперт Н. Я., 1954, с. 51—53). Так как могила прорезала лишь верхний слой материкового грунта, ее форма и конструкция не были прослежены. Н. Я. Мерперт, исследовавший памятник, предположил, что погребенный был втиснут в узкую яму. Скелет юноши 16—18 лет лежал вытянуто на спине головой на ЮВВ. Его правая нога была слегка согнута в колене. Неподалеку от погребенного были обнаружены зубы лошади и бронзовые принадлежности конской упряжи (табл. 6, 1). Автор раскопок определил эти предметы как псалии, К. Ф. Смирнов — как застежки уздечки.

Ко времени перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку, судя по радиоуглеродным датам, относятся два погребения, исследованные П. Ф. Кузнецовым в могильниках Нижняя Орлянка I (кург. 1, погр. 3) и Спиридоновка II (кург. 1, погр. 1). Возраст первого комплекса — 2870 ± 70 лет, второго — 2840 ± 80 лет (Кузнецов П. Ф., 1998, с. 57). Эти захоронения были впушены в курганы эпохи бронзы. Заупокойный сопровождающий инвентарь отсутствовал. В погребении 3 кургана 1 Нижнеорлянского I могильника скелет лежал на правом боку с завалом на спину, со слегка согнутыми руками и ногами, головой на юго-запад.

Костяк, обнаруженный в погребении 1 кургана 1 Спиридоновского II могильника лежал скорченно на левом боку, головой на юго-восток.

Остальные предметы, относящиеся к рассматриваемой эпохе, представляют собой случайные находки или происходят из разрушенных курганов.

Около поселка Серноводск Сергиевского района, по данным краеведа П. Д. Лупаева, был найден бронзовый топорик с плоским лезвием, овальным проухом и уплощенным обухом (табл. 6, 3). Наиболее точной аналогией этой находке является экземпляр, найденный возле с. Билярска в Татарии. А. Х. Халиков счел возможным отнести билярский топор к кругу бронзовых топоров-секир киммерийской эпохи (а точнее, второй половины VIII—VII в. до н. э.), являвшихся символами власти (Халиков А. Х., 1977, с. 179, 180, рис. 68, 1). Однако своей формой серноводский и билярский топоры больше похожи на некоторые образцы подобного оружия из раннескифских памятников, например на парадную секиру (Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983, с. 57) из Келермесского 1 кургана. Но все скифские боевые топоры изготовлены из железа (Черненко В. Е., 1986, с. 142). Исключение составляет бронзовая секира из кургана конца VII — начала VI в. до н. э. у Цукар — Лимана в Крыму (Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983, с. 107—108).

Найденные около станции Марычевка Богатовского района бронзовые удила с большими одинарными кольцами (табл. 6, 5) относятся к типу, который был распространен в VII в. до н. э. на Северном Кавказе (Иессен А. А., 1953, с. 104—105). Дата бронзовых двуколычатых удил (табл. 6, 4), происходящих из кургана Железный Мар у с. Благодаровка Борского района — VIII—VII вв. до н. э. (Иессен А. А., 1953, с. 104). В Среднее Поволжье они попали, видимо, с территории Кавказа или Нижнего Дона (Смирнов К. Ф., 1964, с. 78). Концом VII — началом VI в. до н. э. следует, видимо, датировать костяной псалий с зооморфным изображением (табл. 6, 2), найденный у с. Рысайкино Похвистневского района (Смирнов К. Ф., 1961, с. 80).

Таким образом, в начале I тысячелетия до н. э. степные и лесостепные районы Самарского Заволжья занимали немногочисленные группы кочевого населения. Незначительность археологических данных и полное отсутствие письменных свидетельств не позволяет определить характер этих групп, их культурную и этническую принадлежность. Следует отметить, что они каким-то образом были связаны с населением Северного Кавказа и миром финно-угорских племен Волго-Камья.

2. Культура кочевников савроматского времени

Кочевые племена Поволжья и Южного Приуралья в савроматское время. В VI в. до н. э. в степях Поволжья и Южного Приуралья появились кочевые ираноязычные племена, которые создали яркую и своеобразную культуру, значительно отличающуюся от культуры киммерийской эпохи. Новая культура стала частью обширного “скифо-сибирского мира”, то есть ареала культур кочевых и полукочевых евразийских племен, объединяемых широким распространи-

ем сходных форм оружия, конской упряжи и изображений, выполненных в зверином стиле.

Территорию степного Поволжья к востоку от Дона по свидетельствам античных письменных источников заселили *савроматы*. По данным Геродота их земли начинались сразу же за рекой Танаис, на ее левобережье. Эта река идентифицируется либо с Доном (Смирнов К. Ф., 1984, с. 30), либо с нижним течением Дона и Северским Донцом (Артамонов М. И., 1949, 13, с. 157, 161, 170; Рыбаков Б. А., 1979, с. 107; Максименко В. Е., 1997, с. 44). Протяженность савроматских владений простиралась на 15 дней пути к северу от угла Меотиды, (Латышев В. В., 1992, с. 262), то есть Азовского моря. В другой части своей “Истории” Геродот, рассказывая о происхождении савроматов, отметил, что местность первоначального обитания этого племени находится в трех днях пути на восток от Таниса и трех днях пути на север от Меотиды (Латышев В. В., 1992, с. 280). Противоречие можно объяснить, если предположить, что в первом случае речь шла о всей территории обитания савроматов, а во втором — о местонахождении их племенного центра (Мошкова М. Г., 1989а, с. 153; Железчиков Б. Ф., Сергацков И. В., Скрипкин А. С., 1995, с. 62). Возможно также, что передаваемая древнегреческим историком информация отражает различные этапы освоения кочевниками степных пространств Волго-Донского междуречья. Не случайно, о меньшей территории речь идет именно в связи с периодом становления савроматов как отдельного этноса.

О конкретных событиях в истории этих кочевников, их обычаях известно немного. По легенде, переданной Геродотом, савроматы произошли от браков скифских юношей и амазонок и говорят на издревле искаженном скифском языке (Латышев В. В., 1992, с. 95) Диодор Сицилийский назвал савроматов выходцами из Мидии (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. 1990, с. 145). Гай Плиний Секунд сообщает, что они — потомки мидян (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. 1990, с. 219).

В конце VI в. до н. э. (514 г. до н. э. или 512 г. до н. э.) какой-то контингент савроматских воинов участвовал в знаменитой скифо-персидской войне (Латышев В. В., 1992, с. 97). Союзнические отношения во время нашествия Дария Гистаспа не исключали конфликтов между скифами и савроматами. Например, известно что савроматский отряд из 10 тысяч конников и 30 тысяч пеших воинов совершил набег на территорию Скифии (Хазанов А. М., 1971, с. 66)

В своих трудах греки отмечали некоторые удивительные для себя савроматские обычаи. Например, достаточно часто упоминается значительная роль женщин в общественной жизни савроматов. Античные авторы подчеркивали, что “народ савроматов управляется женщинами”, “савроматы... женам своим во всем повинуются как господам...” (Смирнов К. Ф., с. 37; Граков Б. Н., 1947, с. 111). Они сообщали также, что савроматские женщины ездят верхом, участвуя в сражениях, стреляют из лука и бросают дротики. Девушки не могут выйти замуж до тех пор, пока не убьют трех врагов. Замужние женщины участвовали в походах лишь в случае крайней необходимости. Вместе с мужьями или без них они ездили на охоту

и носили одинаковую с мужчинами одежду (Латышев В. В., 1992, с. 96).

Идентификация поволжских кочевников VI—IV вв. до н. э., или их какой-то части с савроматами античных источников является общепризнанной. Определить этническую принадлежность скотоводов Самаро-Уральского региона (включая Самарское Поволжье) гораздо труднее. Некоторые исследователи полагают, что это были *исседоны* (Шилов В. П., 1975, с. 134; Мачинский Д. А. 1971, с. 30—37). Существует гипотеза о заселении степей Южного Приуралья сначала *массагетами*, потом *дахами* (Пьянков И. В. 1975, с. 46—70). К. Ф. Смирнов, исследовавший южноуральские памятники савроматского времени на протяжении многих лет, полагал, что восточная группа памятников Южного Приуралья могла быть оставлена исседонами, а южная и юго-западная — дахо-массагетским массивом племен (Смирнов К. Ф., 1984, с. 14—17). Еще по одной версии (Таиров А. Д., 1991, с. 15, 25) кочевники Южного Зауралья принадлежали к *сакскому* миру.

Исследование памятников савроматского времени. Раскопки памятников савроматского времени были начаты в конце XIX в. Ф. Д. Нефедовым и П. С. Назаровым — в Южном Приуралье, А. А. Спицыным — в Нижнем Поволжье (Смирнов К. Ф., Петренко В. А., 1963, с. 6). Этническая принадлежность племен, оставивших степные курганы раннего железного века либо вообще не определялась, либо эти племена рассматривались как “чудские” или скифские. В 1918 г. был издан первый обобщающий труд по культуре кочевников Приуралья в раннем железном веке. Его автором являлся М. И. Ростовцев — великодушный знаток древности и ее блестящий исследователь. Книга называлась “Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма”. Анализируя имеющиеся к тому времени приуральские материалы, автор датировал наиболее ранние курганы временем не позже V—IV вв. до н. э. и связал их с иранскими племенами сарматов (Ростовцев М. И., 1918, с. 76, 81). В 20-е годы П. С. Рыковым, Б. Н. Граковым в урало-поволжских степях были раскопаны большие серии близких по своему облику погребений VI—IV вв. до н. э. Значительное влияние на дальнейшее развитие знаний о кочевниках Волго-Уралья оказали исследования П. Д. Рау. Среди поволжских памятников он выделил группу курганов VII—IV вв. до н. э. и в соответствии с сообщениями письменных источников интерпретировал их как савроматские. Кроме того, он отметил, значительное сходство поволжских и приуральских погребальных памятников, но вопрос об этнической атрибуции последних оставил открытым (Рау П., 1928, с. 60). Сходство памятников Поволжья и Южного Приуралья позволило впоследствии объединить их в одну *савроматскую культуру* (Граков Б. Н., 1947, с. 100—125).

В 50-е годы проводились масштабные новостроечные экспедиции в Поволжье, где работали И. В. Сеницын, К. Ф. Смирнов, В. П. Шилов. В конце пятидесятых годов под руководством К. Ф. Смирнова начались целенаправленные исследования степей Южного Приуралья. Результатом стало окончательное офор-

мление тех представлений о савроматской культуре, которые складывались в 20—40-е годы. Савроматская культура была распространена на значительных степных пространствах от левобережья Дона до верховьев рек Урал и Орь. Эта культура не была однородной. Различия в облике вещей и особенности погребальной обрядности позволяют выделять два локальных варианта — *Волго-Донской* и *Самаро-Уральский*. Их существование было обусловлено разным этническим составом племен Поволжья и Южного Приуралья, а также их разнонаправленной культурной, экономической и социально-политической ориентацией. Если связи кочевников Поволжья и Подонья были ориентированы на Северное Причерноморье и Северный Кавказ, то скотоводы Самаро-Уральского региона были связаны преимущественно с населением Средней Азии (Смирнов К. Ф., 1964, с. 289). С конца 60-х годов во многих областных центрах региона начали работу специализированные научно-исследовательские лаборатории, проводившие работы в зонах новостроек.

Накопленный в течение многих десятилетий материал, развитие методики археологических исследований предопределило появление гипотез, не укладывающихся в рамки традиционных устоявшихся представлений.

Так, различия в культуре поволжских и южноуральских племен, достаточно наглядно проявляющиеся в многочисленных материалах, полученных в последнее время, позволили сформулировать гипотезу о том, что на территории Волго-Уральского региона следует выделять две археологические культуры, а не одну, пусть и представленную двумя локальными вариантами (Очир-Горяева М. А., 1988, с. 18—20). В настоящее время эта гипотеза начинает получать признание (Мошкова М. Г., 1994, с. 19).

Происхождение кочевников, населявших Поволжье и Южное Приуралье в савроматское время. Происхождение савроматов Поволжья и кочевников Южного Приуралья, а также истоки их культуры и сам процесс ее формирования — проблема, пока не нашедшая удовлетворительного решения. Достаточно долго существует гипотеза о том, что кочевническая культура VI—IV вв. до н. э. в Волго-Уралье сложилась на основе предшествующих культур эпохи бронзы — *срубной* в Поволжье и *андроновской* — в Приуралье. Савроматы же являлись прямыми потомками волго-уральских племен эпохи бронзы (Смирнов К. Ф., 1964, с. 182—188). Однако сейчас эта концепция вызывает определенные возражения. Сравнительно недавние исследования памятников позднего бронзового века в Среднем и Нижнем Поволжье не дают достаточных оснований для их датировки позднее XV в. до н. э. (Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семёнова А. П., 1983; Малов Н. М., 1987). Более того, в последнее время на этих территориях выделен ряд культур, которые демонстрируют своеобразное, отличное от срубных памятников, развитие культурных традиций в период с XIII—XII в. до н. э. по IX/VIII вв. до н. э. (Черных Е. Н., 1983, с. 81—99; Колев Ю. И., 1988, с. 103, 110; Колев Ю. И., 1991, с. 162—206). Этногенетическая связь культур

эпохи финальной бронзы и савроматской культуры весьма проблематична (Железчиков Б. Ф., 1997а, с. 12). Непосредственно савроматской культуре предшествовали памятники киммерийского времени (Дворниченко В. В., Кореняко В. А., 1989, с. 148—152). В целом, культура населения степного Поволжья киммерийского времени сильно отличается от культуры кочевников савроматского времени. Поэтому, скорее всего, в создании этнополитического объединения савроматов приняли участие лишь незначительные группы, составлявшие это население (Железчиков Б. Ф., Сергацков И. В., Скрипкин А. С., 1995, с. 57—58).

Альтернативная гипотеза о миграции в степи Волго-Уралья кочевников со вполне сложившейся культурой либо оставляет вопрос о родине мигрантов открытым (Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х., 1994, с. 5—6), либо исходная территория определяется чисто гипотетически. Предполагается, что истоки культуры приуральских кочевников следует искать на востоке и юге, поволжских и донских — на Кавказе и в протоскифском мире (Железчиков Б. Ф., 1997а, с. 12—13). Однако памятников, идентичных по характеру погребальной обрядности и облику предметов материальной культуры большинству “савроматских” комплексов Волго-Уралья, в указанных регионах нет.

Выше уже было отмечено, что античные писатели достаточно прочно связывали появление савроматов как отдельного народа с ранней историей скифов. В настоящее время фиксируется тяготение некоторых памятников Нижнего Поволжья (по элементам погребального обряда и инвентарю) к скифскому миру и кочевникам Северного Кавказа (Железчиков Б. Ф., 1997а, с. 22). Интерес представляет гипотеза о формировании савроматского этноса в результате проникновения в поволжские степи скифских воинов, вернувшихся из переднеазиатских походов и вступивших в контакты с местным населением. Впоследствии началось культурное обособление этого региона, которое завершилось во второй половине VI в. до н. э. (Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1997, с. 82—85). В этой связи следует упомянуть, что некоторые погребальные комплексы Южного Приуралья по мнению исследователей могут отражать этногенетическую связь какой-то части населения этого региона со скифскими племенами, локализовавшимися на западе (Тайров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988, с. 149; Гуцалов С. Ю., 1998, с. 8—9). Следует добавить, что нижеволжские кочевники испытывали влияние не только скифской культуры, но и влияние южноуральских племен, а также их более восточных соседей (Дворниченко В. В., Очир-Горяева М. А., 1997, с. 112).

Исследование памятников савроматского времени в Самарском Поволжье. Степи Самарского Заволжья являлись северо-западной периферией огромной территории, на которой по традиционным представлениям была распространена савроматская культура (Смирнов К. Ф., 1964, с. 6). Археологическое изучение памятников этой культуры на территории современной Самарской области началось в 20-е годы нашего столетия. В 1925 г. В. В. Гольмстен исследовала курган у хут. Истомина (Гольмстен В. В., 1925). Материалы савроматского времени были получены в результате раскопок, осуществлявшихся Куйбышевской

новостроечной экспедицией Института археологии АН СССР в 50-е годы (Алихова А. Е., 1955, с. 91—99). Масштабы полевых работ в Самарской области значительно возросли после организации археологических лабораторий в университете и педагогическом институте г. Самары. Однако южные степные районы Самарской области оказались наименее изученными, и количество известных сейчас памятников первой половины I тысячелетия до н. э. невелико (табл. 1; рис. 2). Среди них можно назвать савроматские погребения, открытые в могильниках у с. Андреевка Богатовского района (к. 2, п. 2), Новопавлонка Красноармейского района (к. 9), Неприк (к. 4, п. 3) и Гвардейцы (к. 25, п. 1, 3) Борского района, Утевка Нефтегорского района (IV могильник, к. 1, п. 8). В одном из курганов около с. Спасское Приволжского района обнаружен комплекс, являвшийся, возможно, жертвенным местом. Перечисленные памятники исследованы экспедициями под руководством Г. И. Матвеевой, И. Б. Васильева, В. А. Скарбовенко, С. А. Агапова, В. Н. Мышкина. Параллельно с раскопками осуществлялся сбор вещей, происходивших, по всей видимости, из разрушенных погребальных памятников. Многие материалы уже опубликованы в ряде работ (Смирнов К. Ф., 1961, 1964; Алихова А. Е., 1955; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963; Исмагилов Р. Б., Скарбовенко В. А., 1977; Мышкин В. Н., 1987; Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., 1996).

Характеристика савроматских памятников Самарского Поволжья. Памятники савроматского времени, раскопанные в Самарской области, представлены одиночными погребениями или курганами в составе могильников более ранних эпох. Некоторые погребения впущены в курганы эпохи бронзы. Зафиксированы также случаи, когда над захоронениями возводились индивидуальные насыпи. Из-за небольшого числа погребальных комплексов остается неясным, какая из этих двух традиций преобладала. Захоронения совершались в простых грунтовых могилах прямоугольной и подпрямоугольной формы (табл. 8, 1). Ямы имели широтную ориентировку, то есть по линии запад — восток. В ряде случаев их конструкцию установить не удалось. Обусловлено это тем, что многие могилы, вырытые с поверхности кургана, были неглубокими. Они прорезали лишь курганную насыпь и древний поверхностный почвенный слой, перекрытый насыпью. Фиксация контуров погребений в таких случаях крайне затруднена. В некоторых могилах прослеживались остатки деревянных, иногда обгоревших, перекрытий. Захоронения преимущественно одиночные. Умерших клали вытянуто на спине, головой на запад, часто с отклонением к северу или югу (табл. 8, 1).

В раскопанных памятниках обнаружены разнообразные вещи, которые служили хозяевам при жизни и должны были служить после смерти. Это плоскородонные лепные горшки, имеющие вертикальные пропорции (табл. 8, 2; 9, 1; 12, 16). Орнамент на них либо отсутствует (табл. 12, 16), либо ограничен несколькими элементами, например, ямками по горловине (табл. 8, 2).

Часто встречаются каменные блюда-алтари — плоскородонные, без ножек. В погребениях, исследованных у сел Неприк (табл. 8, 4) и Комаровка, алтари, судя

по сохранившимся обломкам, были круглыми. Алтарь из погребения у с. Андреевка имел в плане форму удлиненного овала (табл. 7, 6).

Встречены бронзовые зеркала различной формы. Одно, происходящее из погребения у с. Неприк, выполнено в виде плоского круглого диска без ручки (табл. 8, 3). Два зеркала, так называемого, “ольвийского” типа имеют вид достаточно крупных круглых дисков с вертикальными бортиками и боковыми рельефными ручками. Концы ручек украшены изображениями. В одном случае это фигурка стоящего кошачьего хищника, в другом — головка барана (табл. 7, 1, 4).

Среди украшений савроматского времени следует отметить нашивную бляшку, изготовленную из листа золотой фольги (табл. 7, 5) Бляшка обнаружена в погребении 2 кургана 2 Андреевского могильника и представляет собой овальную пластину с отверстиями для крепления к одежде. На бляшке оттиснуто изображение горного козла. Голова животного повернута назад, ноги подогнуты. Контуры животного вписаны в овальную форму бляшки.

Оружие, найденное в савроматских погребениях Самарской области, представлено только бронзовыми наконечниками стрел — трехлопастными, с внутренней или выступающей втулкой (табл. 9, 2—20). Как принадлежность конской упряжи следует, видимо, рассматривать изделие из (кабаньего?) клыка, имеющее два отверстия и обнаруженное в погребении 8 кургана 1 Утевского IV могильника (табл. 18, 3).

Кроме того, исследованные погребальные комплексы содержали предметы быта (ножи, иглу, булавку), украшения (бусы, браслет, серьги) и вещи, имевшие, возможно, какое-то ритуальное значение — гальки, колесико-амулет (табл. 7, 3, 7, 8; 12, 5—15).

Среди случайных находок много оружия: мечей, наконечников стрел. В группу случайно найденных вещей входят также удила, колчаный крючок, каменные алтари, бронзовый клевец (табл. 11, 4). Особый интерес вызывают находки мечей и кинжалов (табл. 10, 1—5; 11, 2—3).

Длина найденных в Самарской области мечей-акинаков варьирует в пределах от 26,7 до 70,1 см (при длине клинков — 16—56,7 см). Оформление наверший и перекрестий различно. Так, экземпляры, обнаруженные у сс. Винновка (Ставропольский район), Камышла (Клявлинский район), ст. Марычевка (Богатовский район), в Богатовском районе (точное место находки неизвестно), имеют брусковидное навершие. При этом навершие марычевского кинжала слегка изогнуто. Перекрестья этих акинаков либо бабочковидные (табл. 10, 2), либо приближаются по форме к почковидному и украшены изображениями голов хищных птиц со спирально закрученными клювами (табл. 10, 5).

Некоторые кинжалы и мечи имеют зооморфное навершие. Навершие меча, который случайно найден в окрестностях с. Петровка Борского района, оформлено в виде двух медвежьих голов, соприкасающихся затылками и повернутых мордами в противоположные стороны (табл. 10, 3). У кинжала, обнаруженного около с. Боль-

шой Толкай Похвистневского района (табл. 10, 4), оно имеет вид колодочки, от торцовых граней которой отходят две птичьи головки, обращенные клювами друг к другу. Еще два акинака (табл. 11, 2—3) имеют когтевидные навершия, причем изображения когтей на одном из них соединены перекладной. В основании обоих наверший изображены птичьи глаза. Упомянутые экземпляры клинкового оружия с зооморфными навершиями имеют, в основном, бабочковидные перекрестья. Лишь у одного из этих кинжалов перекрестье почковидное.

Памятники савроматского времени позволяют составить представление лишь о некоторых моментах ранней истории кочевников железного века на территории Самарского Заволжья.

Можно достаточно уверенно говорить о том, что кочевники — “савроматы” во второй половине VI в. до н.э. уже освоили степи Самарского Заволжья. Территория их расселения на севере доходила до рек Самара и Большой Кинель. Какой характер носило проникновение их культуры далее на север, а этот факт отмечен случайными находками (табл. 2), покажут лишь дальнейшие полевые исследования.

Имеющиеся материалы явно неоднородны по своему облику. Если одни тяготеют к самаро-уральской группе памятников и шире, к “сакскому” культурному ареалу, то другие - к западному “скифскому” миру. Прежде всего, это проявляется в предметах материальной культуры и способах их художественного оформления.

На существование связей с западным “скифским” миром указывают зеркала “ольвийского” типа, обнаруженные в погребении 2 кургана 2 Андреевского могильника и в кургане у с. Спасское (табл. 7, 1, 4). Подобные зеркала получили название “ольвийских” в связи с тем, что наибольшее их число обнаружено в некрополе древнегреческого г. Ольвия (Кузнецова Т. М., 1990, с. 110). По одной версии их “поставщиками” являлись скифы (Скуднова В. М., 1962, с. 23—25), по другой, более распространенной, они производились в мастерских Ольвии (Скржинская М. В., 1984, с. 119, 123). Особо следует отметить находку в кургане у с. Спасское Приволжского района. В этом кургане “ольвийское” зеркало было найдено вместе с кожаным мешочком, наполненным каким-то веществом. Вещи лежали на травяной или соломенной подстилке и с каким-либо погребением кургана их связать трудно. Существует гипотеза о связи зеркал “ольвийского” типа с культами греческих богов Диониса и Апполона. В таком случае распространение этих предметов осуществлялось не только по торговым, но и по священным путям, связывавшим античные города Адриатики и Северного Причерноморья с варварской периферией (Кузнецова Т. М., 1991, с. 86—88, 96). В связи с этой гипотезой и находкой зеркала в кургане у с. Спасское “у Кашпирского поворота” следует упомянуть сообщение Геродота о существовании “священных даров, обернутых в солому”, которые передавались от гипербореев через аримаспов, исседонов, скифов до Аттики (Кузнецова Т. М., 1991, с. 88).

Еще одним свидетельством западных связей является золотая нашивная бляшка с изображением горного козла, найденная в погребении 2 кургана 2 Андреевского

могильника (табл. 7, 5). Это изображение по своей стилистике и композиционному решению аналогично памятникам искусства из многих раннескифских памятников Северного Причерноморья (Ильинская В. А., 1965, с. 96, рис. 8; Мелюкова А. И., 1976, рис. 2, 1; Яковенко Э. В., 1976, рис. 6; Мурзин В. Ю., 1984, с. 17, рис. 5, 5).

В то же время, каменные блюда-алтари, достаточно часто встречающиеся в Самарском Заволжье, характерны, прежде всего, для кочевников Южного Приуралья (Смирнов К. Ф., Попов С. А., 1972, с. 17; Смирнов К. Ф., 1989, с. 168).

Следует обратить внимание и на сосуд, обнаруженный в кургане 9 Новопавловского курганного могильника в Красноармейском районе (табл. 9, 1). Различные варианты горшков этой формы изредка встречаются в Южном Приуралье (Мошкова М. Г., 1972, с. 54, 61; рис. 2, 7; 5, 3) и широко представлены в памятниках Приаралья, Алтая и Тувы (Вишневская О. А., 1973, с. 75—76; табл. XXII, 23, 24; Руденко С. И., 1953, табл. XXIII; 1960, табл. XVII; Грач А. Д., 1980, рис. 37, 1, 2, рис. 49, 2, 4, 5). Поэтому “сакское” происхождение указанной формы посуды представляется наиболее вероятным.

Многие акинаки с территории Самарской области по особенностям оформления близки оружию из восточных регионов Евразийских степей. Среди таких деталей можно назвать навершия в виде головок хищных птиц, повернутых клювами друг к другу; наличие специальной колодочки в основании зооморфных наверший, зооморфное оформление перекрестий, узкие бабочковидные перекрестья с приподнятыми вверх концами крыльев (Исмагилов Р. Б., Скарбовенко В. А., 1977, с. 77—91).

В целом же, среди савроматских материалов преобладают находки, указывающие на культурное единство кочевников Самарского Заволжья и населения степей Южного Приуралья. Поэтому говорить о том, что степи Самарского Заволжья населяли савроматы можно лишь условно.

3. Ранние сарматы.

Памятники прохоровской (раннесарматской) культуры

Первые письменные свидетельства о сарматах. В IV в. до н. э. у савроматов, обитавших в степях близ Танаиса, появились новые соседи, которых античные писатели стали называть “сирматами” и “сарматами”. Геродот, чьи сведения относятся ко времени не позднее середины V в. до н. э., вообще не знал племен под такими названиями.

Впервые этноним “сирматы” появился в “Землеописании” Евдокса Книдского, составленном, как полагают, в 370—365 гг. до н. э. Один из фрагментов “Землеописания” сохранившийся в передаче более позднего автора Стефана Византийского, сообщает о том, что “вблизи Танаиса живут сирматы” (Латышев В. В., 1947, с. 273). Таким образом, Евдокс спустя примерно столетие после Геродота не только знал о существовании сирматов, но вполне определенно связывал территорию их расселения в первой половине IV в. до н. э. с рекой Танаис.

Несколько позднее локализацию сирматов уточнил Псевдо-Скилак. В перипле “Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии”, содержащем сведения, в основном, второй половины IV в. до н. э. сообщается, что народ сирматов обитает к востоку от скифов, но западнее Танаиса, за которым начинается Азия и живут савроматы (Латышев В. В., 1947, с. 241). Упомянем в этом ряду еще одно сочинение — “Землеописание”, которое одно время приписывалось Скимну Хиосскому, жившему на рубеже III—II вв. до н. э. Впоследствии авторство Скимна было оспорено и упомянутый труд получил название “Землеописание Псевдо-Скимна”. Принято считать, что это “Землеописание” составлено примерно в конце II — начале I в. до н. э., но в качестве источников для него послужили труды более ранних авторов — Деметрия Каллатийского (рубеж III—II вв. до н. э.) и Эфора (IV в. до н. э.)

В разделе “Азия” Псевдо-Скимн пишет: “На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, — первыми живут сарматы, занимаая пространство в 2000 стадий. За ними, по словам писателя Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов” (Латышев В. В., 1947, с. 312).

Приведенные отрывки из сочинений античных авторов свидетельствуют об изменении общей картины расселения племен на территории Северного Причерноморья и доно-волжских степей по сравнению с той, которую зафиксировал Геродот в середине V в. до н. э. Не позднее IV в. до н. э. вблизи реки Танаис, по соседству с савроматами, появляются племена сирматов/сарматов. Античные авторы вполне определенно отличают эти племена от савроматов, обитавших на этой территории в течение нескольких столетий. Как долго длилось это соседство источники не указывают, но уже в сочинениях Гераклида Понтийского (IV в. до н. э.) и Теофраста (рубеж IV—III вв. до н. э.) наряду с этногеографическим названием “Скифия” появляется название “Сарматия”, которое закрепляется за некоторой частью территории северо-восточного Причерноморья (Латышев В. В., 1947, с. 245, 275). Впоследствии это новое название распространилось и на саму Скифию, и на степи к востоку от Дона. Точно также этноним “сарматы” постепенно вытеснил на страницах сочинений античных авторов более поздних эпох этнонимы “скифы” и “савроматы”. Этот факт, несомненно, отражает процесс смены одного населения другим в степях южной России.

Формирование и распространение прохоровской (раннесарматской) культуры. Анализ письменных и археологических источников привел исследователей к выводу о том, что на рубеже V—IV вв. до н. э. в степях восточнее Дона происходили серьезные этнополитические и культурные изменения. Результатом стало появление на западном рубеже обширного мира азиатских кочевников нового объединения — сарматов. Материальным выражением этого исторического феномена стала смена культур. В степях Волго-Уралья распространилась культура, получившая название прохоровской или раннесарматской. Свое название культура получила от курганов, раскопанных в 1915 г. у с. Прохоровка Шарлыкского уезда Оренбургской губернии.

Ее формирование началось в восточных районах Южного Приуралья в V в. до н. э. (Железчиков Б. Ф., М., 1997а, с. 24) или даже в конце VI в. до н. э. (Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988, с. 151—152; Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д., 1993, с. 66). Процесс сложения нового культурного комплекса первоначально, видимо, происходил как обособление субкультуры одной из групп социальной элиты южноуральских кочевников — “савроматов”. С течением времени многие элементы этой субкультуры начали распространяться среди рядового населения, становясь характерными для всех слоев нового кочевнического этнокультурного объединения. Кроме того, в формировании прохоровской культуры определенную роль сыграли, видимо, племена лесостепного Зауралья (Мошкова М. Г., 1974, с. 48). В IV в. до н. э. прохоровская культура распространилась в степях Южного Приуралья уже повсеместно. Согласно наиболее распространенной версии дальнейших событий, в конце IV в. до н. э. прохоровские племена начали продвижение в степи Заволжья, а потом в Междуречье Волги и Дона (Смирнов К. Ф., 1964, с. 286; 1984, с. 117; Мошкова М. Г., 1974, с. 47). Миграция должна была иметь массовый характер, так как в последующее время население южноуральских степей, по данным археологии, значительно уменьшилось (Мошкова М. Г., 1974, с. 47; 1997, с. 72). Видимо, имело место завоевание Нижнего Поволжья, в результате которого предводители военных дружин “прохоровцев” стали возглавлять новые родоплеменные объединения (Лукашов А. В., 1986, с. 80—81). При этом запад не был единственным направлением движения прохоровских племен. Они продвинулись на север, в лесостепные районы Зауралья, а также на юг — в район оседлых поселений Бухарского оазиса (Смирнов К. Ф., 1984, с. 117).

Согласно другой версии распространения раннесарматской (прохоровской) культуры в западном направлении, в Поволжье проникали лишь отдельные небольшие группы южноуральских кочевников. Эти проникновения обусловили сходство культурных комплексов населения приуральских и доно-волжских степей. В целом же культурные трансформации в пределах двух регионов происходили одновременно, что привело к формированию прохоровской культуры в Южном Приуралье и раннесарматской — в Поволжье (Шилов В. П., 1975, с. 133—134).

В Нижнем Поволжье, несмотря на многолетние раскопки, количество памятников IV и III вв. до н. э. остается сравнительно небольшим (Клепиков В. М., Скрипкин А. С., 1997, с. 33—34, Железчиков Б. Ф., 1997б, с. 67—74), что противоречит гипотезе о массовой миграции кочевников из Южного Приуралья. Однако следует учесть, что очень большое количество поволжских раннесарматских памятников сейчас датируется III—I вв. до н. э. (Скрипкин А. С., 1997, с. 132). Выделение среди них комплексов III в. до н. э. — важная и сложная задача дальнейших исследований. Сложность данной проблемы обусловлена тем, что даты материалов из северопричерноморских памятников, служивших хронологическими реперами для датировки урало-поволжских древностей сейчас пересмотрены. Исследования показали, что между скифскими и сарматскими памятниками Северного Причерноморья существует хронологический разрыв, приходящийся именно на III в. до н. э. (Полин С. В., Симоненко А. В., 1997, с. 95—96).

Во II в. до н. э. культурный комплекс, характеризующий кочевые племена Волго-Уралья, существенно изменился. На всем пространстве распространения раннесарматская культура стала однообразной и приобрела ряд характеристик, во многом отличающих ее от прохоровской культуры более раннего времени. Имеющиеся отличия делают необходимым деление памятников на две хронологические группы: IV—III вв. до н. э. и III—I вв. до н. э. Причины произошедшей культурной трансформации еще не определены. Одновременно с изменением культурного комплекса произошло значительное увеличение кочевого населения поволжских степей (Клепиков В. М., Скрипкин А. С., 1997, с. 34—36). При этом нижеволжские ранние сарматы II—I вв. до н. э. по своим антропологическим характеристикам резко отличаются от прохоровцев Южного Приуралья (Балабанова М. А., 1998, с. 20—21).

Сарматы и скифы. В период утверждения сарматов на территории Волго-Уралья, происходили важные события в Северном Причерноморье. Прекратила свое существование Великая Скифия. Археологи зафиксировали, что в последней трети IV в. до н. э. в северопричерноморских степях было прекращено сооружение царских скифских курганов. Не позднее начала III в. до н. э. перестали функционировать курганные могильники рядового населения (Полин С. В., Симоненко А. В., 1997, с. 94). Скифские степи опустели. Возможно, с кризисной ситуацией в Скифии связана попытка царя Атея во второй половине IV в. до н. э. продвинуться за Дунай. Конфликт скифов с Филиппом II Македонским закончился поражением скифов, что усугубило кризисную ситуацию и предрешило судьбу скифских племен (Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я., 1997, с. 11—13). В III в. до н. э. в Северном Причерноморье погибли очень многие сельские поселения эллинов и скифов (Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я., 1997, с. 7—8).

Столь масштабные изменения этно-политической ситуации в Северном Причерноморье должны были быть обусловлены весьма серьезными причинами.

Походы кельтских или германских военных отрядов из районов Карпато-Дунайского бассейна, возможность которых исключать нельзя, вряд ли могли иметь подобные масштабы (Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я., 1997, с. 6—7). Наиболее распространенная версия объяснения произошедших событий заключается в том, что они являются результатом постоянных набегов сарматских племен из-за Танаиса, и последовавшего впоследствии захвата ими скифской территории (Смирнов К. Ф., 1984, с. 66—69, 118—123). Данная точка зрения сформировалась на основе интерпретации сообщений античных авторов и анализа археологических источников. Так., например, сообщение Диодора Сицилийского о том, что савроматы “... много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню” (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990, с. 145) можно рассматривать как описание завоевания Скифии сарматами (при возможном отождествлении савроматов и сарматов античными авторами). Возможным свидетельством сарматских набегов является Ольвийский декрет второй половины III — начала II в. до н. э. в честь Протогена. В это время Ольвия находилась под постоянной угрозой нападения варварских племен, среди которых были сарматы. Но сил для их отражения город не имел. Приходилось отку-

паться золотом, но при пустой казне только пожертвования богачей могли спасти город. Одним из них и являлся ольвийский гражданин Протоген. Упомянувшийся в декрете сайи во главе с царем Сайтафарном могли быть сарматами (Смирнов К. Ф., 1984, с. 67). Таким образом, упомянутый декрет, в случае, если отождествление сарматов и сайев правильно, может свидетельствовать о появлении восточных кочевников вблизи Ольвии уже где-то во второй половине III в. до н. э. или начале II в. до н. э.

Однако исследования последнего времени показали, что у этой версии есть уязвимые места. Судя по количеству погребальных памятников, в III в. до н. э. сарматы к востоку от Танаиса были сравнительно немногочисленными. Были ли они в таком случае способны наносить сколь либо ощутимые удары по Скифии? Каковы были причины набегов и последовавшего затем продвижения на запад? Причиной таких акций являлось либо перенаселение степей, либо вторжение враждебных племен. Говорить об избытке населения в Поволжье в III в. до н. э. пока нельзя. Отсутствуют данные о появлении в этом регионе враждебных сарматам племен. Следует добавить, что между скифскими и сарматскими древностями выявлен хронологический разрыв. Судя по датам археологических материалов, сарматы появились в Междуречье Дона и Днепра не ранее II в. до н. э., а самые поздние скифские памятники в степях Северного Причерноморья датируются, как уже отмечалось выше, первой третью III в. до н. э. Конечно, вполне возможно, что сарматы совершали походы из-за Танаиса, не задерживаясь при этом в северопричерноморских степях. В какой степени эти вторжения могли подорвать основы существования Скифии, остается неясным.

Некоторые исследователи полагают, что отнюдь не сарматское завоевание послужило причиной падения Скифии, а факторы иного порядка — изменение климата в сторону засушливости, хозяйственный кризис, связанный с истощением пастбищ и вызвавший изменения в направленности хозяйственной деятельности, а также географии расселения скифов. Хронологический же разрыв между скифскими и сарматскими памятниками говорит о том, что сарматы пришли уже в опустевшие степи (Полин С. В., Симоненко А. В., 1997, с. 87, 94—96)

Предпочтительнее рассматривать падение Великой Скифии как результат комплекса причинных факторов разного порядка (Смирнов К. Ф., 1984, с. 66; Максименко В. Е., 1997, с. 43).

Выход сарматов на международную арену. Со II в. до н. э. в степях Восточной Европы началась *сарматская эпоха*. Среди сарматов античные авторы начали выделять народы, которые не составляли единого целого и часто оказывались в составе противоборствующих военно-политических союзов. Так, Страбон (65 г. до н. э. — 25 г. н. э.), чьи сведения получены из более ранних источников и отражают ситуацию либо рубежа III—II вв. до н. э., либо конца II — середины I в. до н. э. (Мошкова М. Г., 1989а, с. 155), называет *аорсов*, *верхних аорсов* и *сираков*, *роксаланов*, *языгов*. Скорее всего, это были наиболее крупные этнополитические объединения, состоявшие из несколько племен.

Сарматские племена вошли в сферу политики понтийских государств и великих держав того времени. В частности, у Полибия (около 201 г. до н. э. — около 120 г. до н. э.) в “Истории” упоминается мирный договор 179 г. до н. э. понтийского царя Фарнака I с рядом азиатских и европейских государств и автономных общин. В числе европейских правителей был упомянут сарматский царь Гатал (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. 1990, с. 134). Конец III в. до н. э. — начало II в. до н. э. — таково, видимо, время действия рас-

сказа о царице сарматов Амаге (Смирнов К. Ф., 1984, с. 120). Она правила вместо своего мужа и оказала помощь Херсонесу после того, как жители этого города пожаловались на набеги скифов. Вместе со 120 отборными воинами, каждый из которых получил по три коня в свое распоряжение, сарматская царица за сутки преодолела более 200 км и внезапно появилась в ставке скифов. Амага убила скифского царя, а власть передала его сыну, приказав править справедливо и не трогать соседей (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. 1990, с. 334—335). Рассказ больше похож на легенду, но характеризует отношения, складывавшиеся между сарматами и скифами в этот период. Этой характеристике можно, видимо, доверять, так автор рассказа Полиен обращался за информацией к какому-то местному историческому источнику, возможно, прямо к хронике Херсонеса (Бози Ф., 1997, с. 36).

В конце II в. до н. э. роксоланы в союзе со скифами воевали против Диофанта — полководца царя Митридата Евпатора (Смирнов К. Ф., 1984, с. 120), стремившегося создать великое Понтийское государство. По данным Помпея Трога какие-то сарматские племена привлекались Митридатом для борьбы с римлянами (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. 1990, с. 204)

Трудно определить, как назывались кочевники, занимавшие степи Самарского Заволжья в это время и оставившие здесь свои курганы. У Страбона есть любопытный момент в перечислении племен, населявших Азию (то есть земли к востоку от Танаиса). Перечисляя народы с севера на юг он пишет: "...первую часть — от северных стран и океана — населяют некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них вглубь страны — сарматы (тоже скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор..." (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. 1990, с. 176—177). Сираков исследователи локализируют в пределах довольно ограниченного района: в Прикубанье, либо в бассейне рек Егорлык и Маныч (Шилов В. П., 1983, с. 41—43). Аорсы обитали на левобережье Нижнего Дона, верхние аорсы владели северным и западным побережьями Каспийского моря, степями Нижнего Поволжья (Шилов В. П., 1983, 37; Скрипкин А. С., 1990, с. 196). Последние могли иметь достаточно обширные владения, границы которых пока невозможно установить. В Самарском Заволжье следовательно, могли обитать те группы кочевников, о существовании которых Страбон располагал сведениями, но не зная их названий, обозначил как *скифов — кочевников и сарматов*.

Исследование прохоровских (раннесарматских) памятников в Самарском Заволжье. В Самарской области первые находки, связанные с раннесарматской культурой, были сделаны в XIX в. Найденные мечи и кинжалы с серповидными навершиями и прямыми перекрестьями (Записки Императорского русского археологического общества, 1855, с. 166; Мошкова М. Г., 1963, с. 16; Хазанов А. М., 1971, табл. I, 7) позволили предположить, что Самарское Заволжье входило в территорию распространения раннесарматской культуры (Мошкова М. Г., 1963, с. 7, рис. 1).

Это предположение подтвердило открытие шести раннесарматских погребений в могильниках Утевка I—IV в Нефтегорском районе, сделанное И. Б. Васильевым в 1972—1973 гг. (Скарбовенко В. А., 1976, с. 174—178). Кроме того, в Утевском II могильнике впервые был обнаружен комплекс (к. 3, п. 2) IV в. до н. э. с тальковой

круглодонной керамикой, характерной для прохоровских памятников Южного Приуралья. В результате последующих исследований на территории Самарской области стало известно 13 курганных могильников, содержащих погребальные комплексы раннесарматской культуры. В настоящее время насчитывается около 30 таких погребений. Они обнаружены при раскопках могильников Утевка I—IV в Нефтегорском районе, Гвардейцы в Борском районе, Тамбовка II в Большеглушицком районе, Красные Пески в Похвистневском районе, Новопавловского, Кировского I и Андросовского II в Красноармейском районе, Нижнеозерецкого V в Приволжском районе, Красносамарского I в Кинельском районе, Виловатовского I в Богатовском районе (табл.). Эти памятники исследованы экспедициями под руководством И. Б. Васильева, В. А. Скарбовенко, Р. С. Багаутдинова, В. Н. Мышкина, М. А. Турецкого. Известно также 11 пунктов, где были случайно найдены вещи, главным образом, оружие этой культуры.

Характеристика раннесарматских памятников Самарского Поволжья.

Раннесарматские памятники сосредоточены, в основном, на юге и востоке Самарской области. Самые северные пункты, где были сделаны находки расположены в бассейне р. Сок. Севернее этой реки и на правом берегу Волги раннесарматские памятники пока не зафиксированы. Более половины известных сейчас комплексов концентрируются в бассейне р. Самары. Остальные открыты в долинах рек Волга, Большой Иргиз, Чагра и на водоразделе Чагры и Чапаевки (табл. 3). География расположения раннесарматских памятников носит до некоторой степени случайный характер, так как в большинстве случаев они были исследованы при проведении охранно-спасательных работ. Однако их концентрация в бассейне р. Самара вряд ли случайна. Пока не выявлены могильники со значительным числом курганов, свидетельствующих о стабильном и долговременном пребывании кочевников на определенной территории. Большинство памятников — это курганы в составе могильников более ранних эпох и отдельные погребения, впущенные в курганы предшествующего времени.

В прохоровское (раннесарматское) время на территории Самарской области были распространены как обычай впускать погребения в курганы эпохи бронзы, так и традиция возводить над захоронениями индивидуальные земляные насыпи. Иногда возводимые курганы усложнялись каменными и глиняными конструкциями (табл. 15, 1). Чаще всего захоронения совершались в грунтовых ямах, имевших прямоугольную в плане форму и ориентированных по оси север—юг (табл. 21, 1, 7, 13; 23, 1). Дно некоторых ям имело в центральной части углубление, в которое помещался умерший (табл. 14, 1; 15, 5). Не исключено, что это своеобразная разновидность катакомбно-подбойных могил, в которых специально выделялись погребальные камеры. В ряде случаев фиксировались деревянные надмогильные конструкции. Отмечены случаи их сожжения и дополнения каменными набросками. Как правило, умерших укладывали вытянуто на спине, головой в южном направлении. Известны захоронения, в которых погребенные лежали с подогнутыми

ногами или согнутыми руками. Во многих могилах встречены кости животных, которые являлись остатками мясной заупокойной пищи. Наиболее распространенным был обычай класть в могилу мясо барана. Сопровождающий инвентарь из прохоровских погребений представлен различными категориями предметов. Это мечи и кинжалы с серповидными навершиями и прямыми перекрестьями (табл. 19, 2; 21, 5), бронзовые (табл. 14, 2—17; 15, 4; 19, 10—11) и железные (табл. 19, 12—16) наконечники стрел, колчаные крючки (табл. 14, 18; 19, 6), портупейные принадлежности (табл. 19, 7—9), украшения конской сбруи (табл. 13, 15), бусы (табл. 16, 5; 20, 3—18; 21, 8—11; 22, 2—5), зеркала плоские (табл. 16, 2; 18, 2) или с валиком по краю (табл. 19, 5), пряслица (табл. 16, 4; 17, 6; 20, 24; 22, 6; 23, 2), железные ножи (табл. 18, 1; 19, 4; 21, 12; 25, 4), глиняные лепные сосуды (табл. 13, 2; 14, 20—21; 17, 2; 20, 1—2; 21, 6; 22, 7—8; 23, 3; 24, 3—5; 25, 2—3), курильницы (табл. 17, 3), бронзовые пряжки (табл. 18, 4), костяные ложечки (табл. 15, 3; 17, 4—5), молоточковидные предметы (табл. 20, 19—21; 21, 2—4), каменные алтари (табл. 16, 3). Практически все материалы прохоровской культуры, полученные в последние годы, достаточно подробно описаны в специальных работах (Скарбовенко В. А., 1976; Мышкин В. Н., 1987; Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., 1996).

Время появления прохоровских памятников в Самарском Заволжье можно отнести к рубежу V—IV вв. до н.э. или самому началу IV в. до н.э.* В настоящее время известно семь таких комплексов. К ним относятся два кургана у пос. Красные Пески (табл. 15), курган 10 Новопапавловского могильника (табл. 14), погребение 20 в кургане 9 Кировского I могильника (табл. 13), погребение 1 в кургане 1 Красносамарского I могильника (табл. 16), погребение 2 в кургане 2 Утевского I и погребение 2 в кургане 3 Утевского II могильника (табл. 17). Наиболее ранним из них является погребение 20 в кургане 9 Кировского I могильника. По сочетанию элементов прохоровской (южная ориентировка погребенного, наличие круглодонного сосуда) и савроматской (акинак с когтевидным навершием) культур его можно датировать рубежом V—IV вв. до н.э. или ранним IV в. до н.э. В некоторых погребениях прохоровской культуры IV в. до н.э. обнаружены круглодонные сосуды приуральского облика с примесью талька. Это погребения 1 в кургане 10 могильника Новопапавловка (табл. 14, 20—21) и погребение 2 кургана 3 могильника Утевка II (табл. 17, 2). Пять раннепрохоровских погребений расположены в бассейне р. Самары (табл. 3). Возможно, именно долина р. Самары с притоками, связывала степи Самарского Заволжья и Южного Приуралья, являясь

* Представления о времени и характере распространения прохоровской культуры (или ее элементов) в Самарском Заволжье могут быть скорректированы после всестороннего анализа материалов из курганов у с. Березки в Волжском районе, полученных в период, когда эта глава была уже подготовлена к печати, и потому не нашедших в ней отражения.

основным коридором, по которому носители прохоровской культуры проникали в Среднее Поволжье.

Среди памятников развитой раннесарматской культуры можно назвать погребения, обнаруженные в могильниках Утевка III (к. 1, п. 1), Утевка IV (к. 1, п. 1, 2, 10), Гвардейцы (к. 25, п. 2), Виловатое I (к. 1, п. 1, 2, 4, 5; к. 4, п. 1; к. 17, п. 3, 4), Тамбовка II (к. 2, п. 6), Нижнеозеречное V (к. 2, п. 1—4), Андросовка (к. 2, п. 2). Эти комплексы ни по составу инвентаря, ни по типам вещей не отличаются от одновременных раннесарматских погребений Приуралья, Поволжья и Подонья. Сколько-нибудь выраженные локальные отличия не фиксируются.

4. Памятники среднесарматской культуры.

Из истории среднесарматских племен. На рубеже двух эр происходят новые перемещения сарматских племен и активизация их политической и военной деятельности. Сарматы вновь продвинулись на запад и заняли степи между Днпром и Дунаем. На границах Римской империи появились сарматские племена языгов и роксоланов. Ко II в. н. э. роксоланы смогли добиться от этой державы уплаты дани под видом даров (Хазанов А. М., 1971, с. 81) Сираки и аорсы ввязались в конфликт между претендентами на престол Боспорского царства. Конфликт возник после смерти в 38 г. боспорского правителя Аспурга. Рим попытался утвердить на престоле своего ставленника — фракийского царевича Полемона. Митридат, один из сыновей Аспурга, не допустил Полемона на Боспор и провозгласив себя царем. Рим объявил Митридата смещенным и отдал престол Котию (Котису) — второму сыну Аспурга. Для поддержки Котия (Котиса) были присланы римские войска. Кроме того, его союзниками стали аорсы, предводительствуемые Евноном. На стороне Митридата выступили сираки (Шелов Д. Б., 1984, с. 17—18) во главе с царем Зорсином. Возможно, в это время аорсы или какие-то их группы уже кочевали в Западном Приазовье и стали известны как амаксобии (Скрипкин А. С., 1990, с. 198, 216). В результате упорных боевых действий Митридат и его союзники потерпели поражение, Успа — столица сираков была захвачена. На престоле Боспора утвердился Котий. После этих событий и сираки и аорсы перестали упоминаться в сочинениях античных авторов.

На исторической же арене не позднее третьей четверти I в. н. э. появились аланы (Мошкова М. Г., 1989а, с. 157), ставшие вскоре ведущей военно-политической силой в степях Восточной Европы. Интересно, что античные авторы, впервые отмечая появление этих кочевников, фиксировали их на территориях, иногда весьма удаленных друг от друга: на Кавказе, около Меотиды, на Дунае (Железчиков Б. Ф., Сергацков И. В., Скрипкин А. С., 1995, с. 86).

Обстоятельства появления аланов в степях Восточной Европы являются предметом дискуссий в среде специалистов. Некоторые археологические данные и письменные свидетельства позволяют предположить, что эти ираноязычные кочев-

ники пришли из Средней Азии. Так, устойчивая античная традиция связывает генезис аланов с массагетами, жившими в Средней Азии. При этом многие древние авторы отличали аланов от других сарматских племен. Распространение в I в. н. э. полихромного звериного стиля, родиной которого могли быть Парфия и Бактрия также может служить подтверждением переселения. К перечню аргументов следует добавить появление различных вещей восточного происхождения: китайских бронзовых зеркал, некоторых типов мечей, сосудов, а также знаков — тамг (Скрипкин А. С., 1990, с. 203—209).

По мнению других исследователей, аланы выделились как самостоятельное объединение из среды сарматских племен (Смирнов К. Ф., 1950, с. 108; Гаглойти Ю. С., 1989, с. 86). Возможно также, что первоначально аланы представляли собой не этнос, а социальный слой сарматского общества, ремеслом которого была война (см. например, Каминский В. Н., 1989, с. 96).

Аланы постепенно заняли господствующее положение в восточноевропейских степях. Аммиан Марцеллин (333—339 гг.), наиболее значительный историк эпохи заката Римской империи, написал: "...они мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. 1990, с. 382—383). Эта активность выплескивалась походами за пределы степных кочевий. В середине I в. н. э. аланы уже совершали набеги на границы Римской империи. В 72 г. последовало их опустошительное вторжение в Закавказье (Хазанов А. М., 1971, с. 81, 82). Вот некоторые строки из описания этого похода Иосифом Флавием: "...аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну... И так, производя грабеж с большой легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении... Царем Армении был Тиридат, который, выйдя к ним навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен ...Аланы ...возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи их обоих царств" (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. 1990, с. 239—240).

Проблема формирования среднесарматской культуры. Описанному периоду в истории сарматских племен соответствует время существования среднесарматской культуры, традиционно датированной концом II в. до н. э. — началом II в. н. э. (Граков Б. Н., 1947, с. 103). Предложенные в последнее время хронологические разработки показывают, что дата этой культуры может быть ограничена I в. н. э. — началом или первой половиной II в. н. э. (Скрипкин А. С., 1990, с. 175). Впрочем, данная хронологическая схема может вызывать возражения. Например, по мнению М. Г. Мошковой, существуют данные, которые не позволяют исключить вторую половину I в. до н. э. из периода существования среднесарматской культуры (Мошкова М. Г., 1989г, с. 37—43).

Различия во взглядах на хронологию среднесарматской культуры связаны с

расхождением в реконструкции процесса ее формирования. С одной стороны, появление нового культурного комплекса рассматривается как результат изменений, происходивших в среде кочевников, прежде всего, левобережья Нижнего Поволжья, а также междуречья Волги и Дона (см. например, Мошкова М. Г., 1989г, с. 42; Мошкова М. Г., 1989в, с. 177). С другой стороны, распространение основных элементов среднесарматской культуры видится как результат появления в Восточной Европе где-то в I в. н. э. аланов. Кочевники Поволжья были включены в новые этно-политические объединения и это способствовало сохранению существовавших ранее культурных традиций (Скрипкин А. С., 1990, с. 223).

Исследование среднесарматских памятников на территории Самарского Поволжья. Первый погребальный комплекс среднесарматской культуры в Самарской области был открыт в 1923 г. В. В. Гольмстен (Гольмстен В. В., 1928) во время исследования курганного могильника Березняки в Кинель-Черкасском районе на р. Малый Кинель (к. 13). Вскоре после этого, в 1925 г. В. В. Гольмстен исследовала еще одно среднесарматское погребение (Гольмстен В. В., 1925) в могильнике у хут. Истомина близ ж/д станции Безымянка на р. Падовке (разрушенное впускное погребение в кургане 3). В 1951 г. во время проведения охранно-спасательных раскопок, предпринятых в связи со строительством Куйбышевской ГЭС, было выявлено среднесарматское погребение (к. 2, п. 3) в могильнике у с. Хрящевка Ставропольского района (Мерперт Н. Я., 1954). Исследование остальных погребальных комплексов среднесарматской культуры на территории Самарской области связано с работами Средневожской археологической экспедиции в 70—90-е годы. Группа погребений была раскопана в 1970—1972 и 1994 гг. Г. И. Матвеевой, В. Н. Мышкиным и В. А. Скарбовенко в могильнике Гвардейцы I на р. Самаре (Матвеева Г. И., Скарбовенко В. А., 1976, с. 136—147; Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., Хохлов А. А., в печати). Погребения среднесарматской культуры исследованы в 1975 г. Р. С. Багаутдиновым в могильнике Преполовинка I в Безенчукском районе (Багаутдинов Р. С., Пятых Г. Г., 1987, с. 56—57), в 1977 г. И. Б. Васильевым в могильнике у с. Андреевка и в 1986 г. В. Н. Мышкиным в могильнике у с. Вилватое Богатовского района (Мышкин В. Н., 1992, с. 121—136). Таким образом, на территории Самарской области в настоящее время известно семь курганных могильников (табл. 4), содержащих 19 погребений среднесарматского времени. Кроме того, один меч с кольцевидным навершием был случайно найден на р. Большой Кинель у пос. Красные Пески Похвистневского района.

Характеристика среднесарматских памятников Самарского Поволжья. Среднесарматские погребения, открытые в Самарской области, в количественном плане уступают памятникам как предшествующей раннесарматской культуры, так и последующей — позднесарматской. Но распространены эти комплексы более широко. Самый северный пункт зафиксирован в Ставропольском районе у с. Хрящевка на р. Сускан вблизи границ Ульяновской области, где памятники предшествующих культур ранних кочевников неизвестны.

Тринадцать из девятнадцати среднесарматских погребений обнаружены в курганном могильнике Гвардейцы. Таким образом, только в среднесарматское время на территории Самарской области, по крайней мере, в бассейне р. Самара, появились могильники с относительно большим числом синхронных курганов. Остальные комплексы представлены впускными погребениями или курганами в составе могильников иных эпох. Они обнаружены в могильниках: Андреевском и Виловатовском на р. Самаре (Богатовский район), Березняки на р. Малый Кинель (Кинель-Черкасский район), Хрящевском (Ставропольский район) и Преполовенковском I (Безенчукский район) в долине р. Волги, у хут. Истомина на р. Падовка в Волжском районе. Следует обратить внимание, что среднесарматские памятники, также как и раннесарматские, концентрируются в бассейне р. Самары и ее притоков.

При исследовании курганов встречены практически все типы могильных сооружений характерных для среднесарматской культуры: узкие прямоугольные, квадратные или овальные ямы, ямы с подбоями (табл. 28, 1; 29, 1; 30, 1; 31, 2; 32, 1, 34, 1). Зафиксированы случаи сочетания разных типов могил под одной насыпью. Над могилами сооружались деревянные перекрытия. Умершие погребались вытянуто на спине, иногда они располагались по диагонали могилы. Господствующая ориентировка погребенных — головой в южном направлении. Существовал обычай применения огня в ритуале захоронения и помещения в могилу красящих веществ — кусков мела, реальгара, серы.

Вещевые комплексы погребений представлены стандартным для культуры набором предметов: глиняной посудой — сарматской (табл. 33, 1; 34, 2) и импортной (табл. 28, 2—3; 29, 3—5; 31, 3; 33, 3), курильницами (табл. 33, 2, 4; 34, 3), алебастровыми миниатюрными сосудиками, зеркалами с валиком по краю (табл. 27, 12) и ручками в виде шипа или петельками для подвешивания, костяными ложечками, украшениями (табл. 27, 2—11; 30, 3—7; 32, 7, 9, 10; 34, 6—18), ножами (табл. 32, 2, 8), оселками, пряслицами (табл. 29, 2; 34, 5), а также оружием — железными мечами и кинжалами с кольцевидным навершием (табл. 32, 3), железными трехперыми черешковыми наконечниками стрел (табл. 30, 2; 32, 4—5).

Исследованные на территории Самарской области среднесарматские погребения обнаруживают полное сходство с одновременными им комплексами в могильниках Нижнего Поволжья, составляя с ними единую группу памятников.

5. Памятники позднесарматской культуры.

Формирование позднесарматской культуры. Во II в. н. э. начался новый этап в развитии степных племен, населявших Поволжье. Произошло формирование позднесарматской культуры, просуществовавшей вплоть до последней четверти IV в. н. э.

Существуют как автохтонная, так и миграционная концепции ее сложения. Сторонники миграционного подхода полагают, что начало процессу сложения по-

зднесарматской культуры положило появление ираноязычных кочевников из Средней Азии (Скрипкин А. С., 1990, с. 223; Скрипкин А. С., 1984, с. 95—96). Многие специалисты в своих взглядах на происхождение позднесарматской культуры придерживались эволюционного подхода. П. Рау рассматривал памятники кочевников позднеримского времени (III—IV в. н. э.) как результат слияния культурных традиций предшествующего периода (I—II вв. н. э.). Изменения, по его мнению, были обусловлены влиянием греко-римских колоний Северного Причерноморья (Рау Р., 1927, с. 111—112). Этот подход был поддержан в ряде работ других исследователей (Граков Б. Н., 1947, с. 120—121; Смирнов К. Ф., 1950, с. 108). Следует отметить, что сторонники и миграционной и автохтонной модели зачастую признают определенную роль в первом случае местного (Скрипкин А. С., 1984, с. 98—100), а во втором пришлого населения (Смирнов К. Ф., 1950, с. 108) в формировании позднесарматской культуры.

Этническая принадлежность позднесарматских племен. Во взглядах специалистов на проблему соотношения позднесарматской культуры с аланским или еще каким-либо этносом также нет единства. Некоторые из них вполне определенно связывают позднесарматскую культуру с этническим массивом, который стал известен под именем аланов (Рау Р., 1927, с. 79, 111, 112; Смирнов К. Ф., 1950, с. 111—114). Еще одна точка зрения сводится к тому, что аланы, мигрировавшие в Поволжье из Средней Азии, стали создателями среднесарматской культуры. Распространение же позднесарматской культуры по этой версии обусловлено миграцией еще одной группы ирано-язычного скотоводческого населения во II в. н. э. из Средней Азии (Скрипкин А. С., 1990, с. 202—203, 222—223). Эта группа была смешанная и состояла из потомков сако-массагетов и сарматов, ушедших ранее в Среднюю Азию (Скрипкин А. С., 1984, с. 96). Существует гипотеза, согласно которой в позднесарматское время на территории Волго-Уралья кочевали две группы населения: сармато-аланская, автохтонная для степей Северного Кавказа и алано-аорская — на просторах, простиравшихся от Дона до Южного Приуралья (Мацулевич А. А., 1947, с. 125—147). Кроме того, предложена версия о присутствии в этот период на территории Нижнего Поволжья гуннов, которые оставили, в частности, подбойные захоронения (Нечаева Л. Г., 1961, с. 156—157). Как бы то ни было, этноним “аланы” на протяжении всего периода существования позднесарматской культуры оставался одним из самых распространенных.

Из истории позднесарматских племен. Рассматриваемый период в истории сарматов был столь же бурным, как и все предыдущие. Они продолжали участвовать в антиримских выступлениях. В частности, сарматы поддержали царя даков Децебала во время дако-римской войны. Вместе с другими варварами сражались против римских войск во время, так называемых, Маркоманнских войн. Первая из них была названа Сарматской. (Хазанов А. М., 1971, с. 81). Отряды варваров опустошали пограничные провинции империи, а некоторые из них доходили даже до северной Италии. Понадобились весьма значительные усилия миро-

вой державы, чтобы справиться с опасным противником. В конечном итоге варвары подчинились Риму и обязались поставлять ему вспомогательные отряды. Например, после того как в 175 г. на Дунае император Марк Аврелий заключил мир с сарматами, восемь тысяч сарматских воинов влились в римскую армию. Часть их была послана в Британию и, видимо, впоследствии была компактно поселена там в форте, получившем название *Bre metennasum Veteranorum* (Трейстер М. Ю., 1994, с. 52—53).

В это время сармато-аланы безраздельно господствовали в степях Северного Причерноморья, устанавливая связи с населением греческих городов и скифами Крыма, либо конфликтуя с ними. Сохранилось сообщение о том, что римскому императору Антонину Пию, который “часто обуздывал злоумышленников аланов”, пришлось оборонять Ольвию от нападающих варваров (Вязьмитина М. И., 1986, с. 188). Давление сарматских племен ощущало на себе Боспорское царство. Происходило оседание сарматов и аланов в боспорских городах. В 134—136 гг. аланы вторглись в Албанию, Гордиену, Медию и дошли до малоазиатской римской провинции Капподокии (Хазанов А. М., 1971, с. 82).

В середине III в. н. э. сармато-аланские племена стали терять господствующее положение в Северном Причерноморье. Причиной было вторжение в этот регион *готов* (Скрипкин А. С. 1984, с. 104). В результате усилилось продвижение позднесарматских племен в римские провинции (Хазанов А. М. 1971, с. 81). На востоке их основной территорией стали степи Заволжья (Скрипкин А. С., 1984, с. 115). Перемещения племен привело к разрушению и упадку большинства северопричерноморских торговых и ремесленных центров, нарушению торговых связей. Все это отразилось на материальной культуре поздних сарматов.

Конец позднесарматских племен как самостоятельной силы в степях Восточной Европы приходится на 70-е годы IV в. По Аммиану Марцеллину “...гунны, вторгнувшись в земли тех алан, которые сопредельны с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора” (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990, с. 385). После поражения часть аланов вместе с гуннами дошла до Гиблартара. (Мошкова М. Г., 1989а, с. 158). Аланы, обитавшие в Предкавказье, отошли в предгорные и горные районы и там вместе с местными племенами образовали Аланию, просуществовавшую до XII в. Осетины являются их потомками. Остатки сарматских племен, смешиваясь с другими племенами, приняли участие в сложении ряда культур и народов средневековья в лесостепных районах Зауралья и, возможно, Поволжья. Вместе с черняховскими племенами сарматы могли стать основой формирования *древнеславянских* племен (Мошкова М. Г., 1989б, с. 214).

Этапы развития позднесарматской культуры. В развитии позднесарматской культуры на территории Поволжья выделяются три этапа. Каждый из них связан с конкретной исторической ситуацией в степях восточной Европы и фик-

сирует изменение облика культуры поволжских кочевников.

Первый этап (рубеж I—II вв. н. э. — первая половина II в. н. э.) — время становления позднесарматской культуры. В этот период появляются детали обряда и вещи, характерные для нового культурного комплекса. (Скрипкин А. С. 1984, с. 80—100).

Второй этап (третья четверть II — середина III в. н. э.) характеризуется утверждением ведущих черт позднесарматской культуры на всей территории степного Поволжья, стиранием локальных отличий в распространении предметов материальной культуры, единством развития погребального обряда. Концом этого периода становится готское вторжение в Северное Причерноморье, разорвавшее связи позднесарматских племен с городами Северного Причерноморья (Скрипкин А. С. 1984, с. 101—105).

Третий этап (середина III — IV вв. н. э.) являлся завершающим в истории позднесарматских племен. В это время основной территорией обитания поволжских кочевников становятся степи Заволжья. В целом, погребения этого времени бедны находками, практически отсутствуют многие категории импортных предметов, увеличивается количество впускных погребений. Последнее на общем фоне может свидетельствовать о нестабильности положения сарматов в это время. (Скрипкин А. С. 1984, с. 105—109).

Изучение позднесарматских памятников Самарского Поволжья. В Самарской области памятники позднесарматской культуры впервые были выявлены В.В.Гольмстен. В 1923—1924 гг. она произвела раскопки курганного могильника у с. Березняки Кинель-Черкасского района (Гольмстен В. В., 1928). Впоследствии позднесарматские курганы исследовались археологическими экспедициями под руководством И. Б. Васильева, В. А. Скарбовенко, В. Н. Мышкина (Матвеева Г. И., Скарбовенко В. А., 1976; Мышкин В. Н., 1992; Васильев И. Б., Скарбовенко В. А., 1982). Погребальные комплексы II—IV вв. н. э. были раскопаны в Виловатовском и Андреевском могильниках, расположенных на территории Богатовского района, в могильниках у с. Гвардейцы Борского района, у с. Осинки в Безенчукском районе и у с. Черновка в Волжском районе. Всего в Самарской области исследовано 26 позднесарматских погребальных комплексов, большая часть которых сконцентрирована, как и памятники предыдущих двух сарматских культур, в бассейне р. Самары (табл. 5).

Характеристика позднесарматских памятников Самарского Поволжья. Чаще всего небольшие курганы этого времени содержат одно погребение. В Самарской области представлены все основные типы могильных ям, характерных для позднесарматских курганов. Это узкие и широкие прямоугольные или квадратные могилы, а также ямы с подбоями. Как правило, они ориентированы по оси север—юг. Встречены случаи ориентации погребений углами по сторонам света. Захоронения преимущественно одиночные. Господствует северная ориентировка погребенных при их положении вытянуто на спине. В некоторых памятниках зафиксировано помещение умерших головой на юг по диагонали могилы (табл. 35, 18; 36, 1; 37, 1; 38, 1; 39, 1; 40, 1; 41, 1—5).

Чаще всего погребенных сопровождают достаточно богатые наборы погребального инвентаря. Керамика представлена лепными и гончарными кувшинами и горшками (табл. 35, 15; 36, 2—3; 37, 1; 38, 2; 39, 2, 4, 6, 7; 40, 3; 42, 1; 44, 1—2), миниатюрными сосудиками (табл. 38, 5) и курильницами (табл. 42, 9; 44, 9). Сосуды встречаются во всех погребениях независимо от пола умершего. В мужских захоронениях, кроме того, встречаются предметы вооружения и сбруи (табл. 37, 2, 3; 44, 28), орудия труда. Женщин сопровождают туалетные принадлежности, украшения, мелкие бытовые предметы, орудия труда (табл. 35, 1—14, 17).

Материалы, полученные при исследовании погребений, показывают, что на территории Самарской области выявлены памятники разных этапов позднесарматской культуры.

Погребения раннего этапа, то есть первой половины II в. н. э. (табл. 38; 41, 1, 2) совершены не только в узких прямоугольных могилах (Мышкин В. Н., 1992, с. 130—132), но и в широких прямоугольных или квадратных ямах (Васильев - И. Б., Скарбовенко В. А., 1982, с. 118—120, 122). Именно в этих захоронениях встречена южная ориентировка погребенных и их диагональное положение (Васильев И. Б., Скарбовенко В. А., с. 107, рис. 1), что можно рассматривать как среднесарматскую обрядовую традицию, какое-то время сохранявшуюся в культуре поздних сарматов. Сопровождающий инвентарь из этих погребений представлен гончарной или тщательно сформированной от руки и снабженной зооморфными элементами керамикой (табл. 38, 2; 42, 1; 44, 2), лучковыми фибулами с подвижным приемником (табл. 38, 6), сильно профилированными фибулами с крючком для тетивы (табл. 44, 10), четырехгранными курильницами (табл. 42, 9; 44, 9), зеркалом с боковой ручкой (табл. 42, 11), наконечником копья (табл. 42, 28) (Васильев И. Б., Скарбовенко В. А., с. 122). Кроме того, встречены оселок, нож, миниатюрный сосудик, бронзовые пронизи и нашивные бляшки (табл. 38, 3—7) и некоторые другие предметы (Мышкин В. Н., 1992, с. 130—132).

Для третьей четверти II — середины III в. н. э. характерны подбойные могилы, ориентировка погребенных головой на север (табл. 41, 4, 5). Среди вещей, попавшихся при исследовании археологических памятников этого времени — односторонние лучковые подвижные фибулы 4-го и 5-го вариантов (табл. 42, 5; 43, 23—24), железные ножницы (табл. 42, 4), набор бус из камня, стекла, кости, египетского фаянса, пронизи в виде проволоочной спирали с напущенной бусиной четырнадцатигранной формы (табл. 42, 6; 43, 1—21), маленькие зеркала-подвески (табл. 43, 22) с боковой ручкой (Васильев И. Б., Скарбовенко В. А., 1982, с. 122—123).

К последнему, третьему этапу развития позднесарматской культуры удалось отнести только два погребения. Одно из них обнаружено в кургане 13 Андреевского могильника (табл. 41, 3), другое — в кургане 26 могильника Гвардейцы I (табл. 35, 18). Захоронения совершены в подбойных могилах. Погребенные лежали головой на север. В погребениях обнаружены застешки-фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и ромбическим, коленчато изогну-

тым щитком (табл. 35, 16; 44, 5). Кроме того, найдены многочисленные бусы: гранатовые и стеклянные в виде 14-гранника, 6-гранника, параллелепипеда, длинного и короткого цилиндра, а также округлые (одинарные и двойные), бугристые и бочковидные (табл. 35, 1—14; 44, 13—25). Цвет стеклянных бусин различен. Наборы состоят из экземпляров красного, темно-синего, светло-синего, серо-голубого, желтого цвета. Кроме того в них входят бусы из прозрачного стекла с внутренней позолотой. В погребениях также были обнаружены глиняные лепные сосуды, один из которых украшен налепами (табл. 35, 15; 44, 1), глиняные пряслица (табл. 35, 17; 44, 7), бронзовые колокольчики и серьги (табл. 44, 12, 6), небольшое зеркальце из белого сплава с коротким боковым выступом и петелькой-шишечкой на тыльной стороне (табл. 44, 4). (Васильев И. Б., Скарбовенко В. А., 1982, с. 112—115; с. 111, рис. 4).

Все обнаруженные в Самарской области предметы материальной культуры аналогичны или идентичны соответствующим типам вещей из Нижнего Поволжья. Поздние сарматы занимали территорию Самарского Заволжья на протяжении всего периода существования их культуры. Средневожские степи не были изолированы от основной территории обитания позднесарматских племен и здесь происходили те же культурно-исторические процессы, что и в Нижнем Поволжье.

В Самарской области в настоящее время наиболее полно исследованы четыре, в основном, сарматских могильника: Березняки, Гвардейцы I, Андреевский и Виловатовский. Все они находятся сравнительно недалеко друг от друга (табл. 5). Но количественное соотношение среднесарматских и позднесарматских погребений в этих могильниках различно. При раскопках Виловатовского могильника, состоявшего из 24 курганов, было исследовано 15 курганов: из 16 сарматских погребений лишь один комплекс оказался среднесарматским, тогда как к познесарматской культуре относятся семь захоронений (Мышкин В. Н., 1992, с. 133). Андреевский могильник на момент раскопок в 1977 г. состоял из 21 насыпи, 10 из которых исследовано. В процессе раскопок было выявлено одно среднесарматское погребение и восемь позднесарматских (Васильев И. Б., Скарбовенко В. А., 1982, с. 106—109). Из раскопанных В. В. Гольмстен раннекочевнических курганов в могильнике Березняки один была возведен в среднесарматское время и восемь сооружены над позднесарматскими захоронениями. Наконец, при исследовании могильника Гвардейцы I, которое началось в 1970—1972 гг., сотрудники археологической экспедиции зафиксировали 32 насыпи. В течение полевых сезонов 1970—1972 гг. и 1994 г. были раскопаны 22 кургана и выявлено 22 захоронения ранних кочевников. Из них к среднесарматскому периоду можно отнести тринадцать погребений, к позднесарматскому — лишь четыре.

Не исключено, конечно, что такое соотношение могло бы измениться при полном исследовании рассматриваемых памятников. Однако имеющиеся в настоящее время данные позволяют зафиксировать вполне устойчивую тенденцию: в Березняках, Виловатовском и Андреевском могильниках преобладают позднесарматские комплексы, в могильнике Гвардейцы I — среднесарматские. Это позволяет предположить, что поздние сарматы в пределах Самарского Поволжья изме-

нили местоположение своих родовых кладбищ и практически не использовали территорию могильника, функционировавшего в среднесарматское время. Возможно, данное обстоятельство указывает на отсутствие этногенетической связи между группами, кочевавшими на территории степей Самарского Заволжья в среднесарматске и позднесарматское время.

Позднесарматские памятники отражают последний этап тысячелетней истории ираноязычного населения степей Самарского Поволжья, которая в дальнейшем связана с новыми тюркскими народами.